

УДК 130.2

Л. С. Московчук

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

Особенности формирования профессиональной идентичности инженера в современной российской культуре

Показаны изменения статуса профессии и отношения к труду в современном обществе и культуре, раскрыт механизм формирования профессиональной идентичности, обозначены проблемы формирования профессиональной идентичности инженера, проанализирована репрезентация инженерной профессии в массовой культуре.

Этос профессии, образ профессии в массовой культуре, имидж профессии, социальная миссия профессии, креативный класс, социокультурный образ инженерной профессии

Франческо ди Джорджо Мартини – итальянский художник, скульптор, архитектор, изобретатель и военный инженер XV в. жаловался, что «в отличие от живописцев, слава которых посмертно укрепляется, ... величайшие инженеры оказываются скоро забытыми» [1. С. 18–19]. Даже в более поздний, цеховой и мануфактурный период, достижения инженеров оказывались неочтенными обществом, так как зачастую противоречили интересам гильдий и цехов, которые провозглашали новации опасными, подрывающими устои бесовскими изобретениями.

Современная экономика знаний демонстрирует удивительный парадокс. С одной стороны, в век высоких технологий и бесконечных инноваций, которые стремительно меняют окружающий мир, постоянно растет востребованность инженерных кадров, с другой – в развитых странах и особенно в российском обществе значение инженеров часто недооценивают: престиж этой профессии низок и продолжает снижаться. Зато появились новые, и на первый взгляд более перспективные и востребованные профессии, в результате чего подавляющее большинство вчерашних инженеров, технологов и конструкторов стремятся стать менеджерами по продажам, специалистами по логистике, маркетингу и связям с общественностью.

Получается, что развитие науки и техники находится на подъеме, а престиж инженерной профессии при этом падает. «По результатам социологических исследований только 1/3 студентов, обучающихся по инженерным специальностям, в дальнейшем планирует работать по выбранной профессии. Более того, значительное число абитуриентов рассматривают технические вузы исключительно как возможность получения диплома о высшем образовании, не связывая с ним дальнейших жизненных перспектив» [2. С. 4].

Инженер в современном обществе оказывается в ситуации сложноразрешимого противоречия: выполняет ведущую роль в процессе материализации знаний и производит общественные блага, при этом обладая зависимым от внешних обстоятельств (от руководителя, государства, социума и т. д.) статусом.

Согласимся с В. В. Кочетковым и Л. Н. Кочетковой, что только через повышение материального благосостояния этой категории работников это противоречие не решить, поскольку для людей постиндустриального общества характерна система постматериалистических ценностей. Популяризация инженерного образования также лишь в некоторой степени позволит решить эту про-

блему, поскольку низкий престиж профессии приводит к тому, что идут учиться по этой специальности в основном дети представителей низкостатусных групп.

Так, например, преподаватели часто отмечают закономерность, что чем сложнее и уже направленность инженерной специальности, тем ниже проходной балл для поступления на соответствующий факультет. К тому же часто возникает ситуация, когда проучившись некоторое время, человек начинает ясно осознавать, что посвятил себя этой профессии, он вряд ли получит достойную отдачу в будущем. Также часто отмечается низкое качество подготовки поступивших учиться на инженера: «В 2011 г. среди студентов, поступивших на первый курс технических вузов, отличников по количеству полученных баллов ЕГЭ были считанные проценты. Так, среди поступивших на факультеты авиа- и ракетостроения отличников не было вообще, хорошистов – 58 %, троечников – 42 %. На факультеты электроники и радиотехники пришло 4 % отличников, 57 % хорошистов, 39 % троечников. А по профилю транспорта троечники вообще составили более половины первокурсников – 54 %, тогда как отличников было 3 %, а хорошистов – 43 %» [3]. Все это задает негативный фон для будущих выпускников инженерных специальностей, так как они еще не отучились, но уже объявлены некомпетентными. В социологии девиантного поведения такой процесс называется стигматизацией.

Изменить существующее положение дел – де факто повысить статус инженерной профессии и создать благоприятные условия для доминирования этоса креативности позволили бы самоорганизация профессионалов и разработка этического кодекса инженера, в котором были бы зафиксированы миссия профессии, социальные обязательства и гарантии защиты со стороны коллег. Однако в настоящее время подобного рода кодексы не пользуются в инженерном сообществе популярностью и воспринимаются как пустая трата ресурсов.

Существует и негативный взгляд на перспективы трансформации отношения к труду и статуса профессионала в российском обществе. «В современной ситуации разница между работником, придерживающимся традиционной трудовой этики, и работником-максималистом, готовым работать много, не ступая по возможности в теневые и криминальные связи, качественно не является существенной. Оба не имеют никаких шансов за

счет честного труда улучшить жилищные условия, накопить на достойную старость и т. п. Иными словами, честный труженик в сегодняшних условиях лишен всяких перспектив и просто обречен на исчезновение» [4. С. 119].

Не последнюю роль в формировании имиджа профессии играет массовая культура и в частности кинематограф. На киноэкране зритель видит людей, которые сталкиваются с определенными проблемами и определенным образом их решают. Что и как они делают и какими навыками овладевают, определяется усвоенной ими нормативной культурой. Система долженствований и запретов, демонстрируемая на экране, в той или иной мере, вольно или невольно усваивается зрительской аудиторией. В советский период киноэкран отражал нормативную культуру и демонстрировал в первую очередь образцы для подражания либо осуждения. На первый план выходила категория «должного» с четко очерченной системой координат: правильно – неправильно, хорошо – плохо и т. д. В настоящее время зрителю предлагается иная картина мира: его внимание акцентируется на нарушениях культурных запретов, герой, пренебрегающий нормами поведения или нарушающий правила, вызывает симпатию, а торжество добра над злом выглядит уже не столь убедительно.

Уже в 1980 гг. появляется тенденция изображать инженера как простого человека, мелкого служащего, выполняющего малооплачиваемую и никому не нужную работу («Розыгрыш», «Самая обаятельная и привлекательная», «Где находится нофелет?», «Дорогое удовольствие» и др.). Возникает ситуация, при которой происходит разрыв между символическим (лицо производства, представитель интеллигенции, двигатель прогресса) и реальным (заработная плата, власть, влияние на процесс) статусами.

Именно эпоха перестройки и радикальные изменения, произошедшие в сфере экономических отношений, поставили под вопрос представления об «общем благе» и «общей пользе», которыми должен руководствоваться профессионал в своей работе. Предшествующие представления о правильном и должном поведении перестали быть эффективными. Очень часто успешное продвижение было связано с нарушением тех или норм, но так как это приводило к желаемому результату, вызывало не критику, а молчаливое принятие.

Образ инженера в кинематографе претерпел серьезные изменения. В 1990-е гг. исчезло изображение светлых, ярких, позитивных личностей-

творцов, и напротив, тенденция, наметившаяся в 1980-е гг., изображать инженеров как неудачников и бездельников получила мощное развитие. Таким примером может служить фильм «Ты у меня одна» (1993). Герой А. Збруева Евгений Тимошин – усталый, замотанный инженер, 40 лет. На предприятие, где он работает, приезжает представительница американской фирмы, чтобы организовать совместное предприятие. Инженеры моют окна, так как «советский инженер умеет все. А если не умеет, то ему нечего делать в СП» (СП – популярное для 1990-х гг. сокращение для обозначения совместного предприятия). Здесь нет большой новой и просторной квартиры Шурика из «Иван Васильевич меняет профессию», герой живет в маленькой «однушке», ночами подрабатывает грузчиком, а его отец побирается в метро и называет себя бывшим главным инженером оборонного завода, чтобы вызвать побольше жалости у прохожих. Всеми доступными изобразительными средствами режиссер создает образ героя, у которого нет будущего.

В фильме «Гений» главное действующее лицо – инженер Ненашев. Он коммерсант, изобретатель, мошенник, причем представлен человеком с принципами, т. е. несмотря на нечистоплотность в делах, вызывает у зрителя симпатию (покупает лекарства для больной матери напарника, увольняет продавца, который обвешивает и т. д.). Даже охотящиеся за ним сотрудники милиции испытывают к нему симпатию и некоторое восхищение. Ненашев воспитан, образован, талантлив (туалет обклеен авторскими свидетельствами, лучшего применения которым не нашлось), обладает хорошим художественным вкусом, коллекционирует картины и книги. Фильм выражает общепринятую установку того времени: не важны средства, которыми человек добивается признания и успеха, важен результат, победителей не судят. Отец Насти – девушки Ненашева тоже инженер, но как раз из тех, кто не смог приспособиться к изменившимся условиям: «Хочешь, чтобы мы жили от зарплаты до зарплаты и чтобы мы гордились этим... Это ты инженер? Ты семью прокормить не можешь!» Дочь обвиняет его в двойной морали, так как он сам по мелочи таскал в дом с работы. Так, с одной стороны, создается образ успешного изобретателя-мошенника, а с другой – неудачника-инженера, плохо выполняющего свой профессиональный долг.

Если кинематограф 1990-х гг. отходит от канонического, свойственного советской эпохе изображения «должного» образа профессии, заменяя его на образ «низовой», то в 2000-е гг. профессия инженера в кинематографе и вовсе «уходит» в прошлое. Героев-современников, избравших профессию инженера, очень сложно найти в современных отечественных кинолентах: теперь герои-инженеры – это герои давно минувших лет. В качестве основных фильмов, где выведены исторические образы профессии, можно назвать «Не хлебом единым» и «В круге первом». Оба фильма посвящены 30–40-м гг. XX в., репрессиям против специалистов. Инженер предстает как герой-одиночка, противостоящий армии обывателей, бюрократов, людей системы, путь к признанию которого равнозначен мученичеству.

На таких образах из прошлого сложно построить идентичность современного представителя профессии, так как современная жизнь в качестве одной из базовых потребностей человека полагает комфорт. К тому же формируется негативное восприятие инженеров, добившихся успехов в советское время, поскольку создается впечатление, что талантливые не смогли пробиться через репрессии, а те, кто достигли успеха – конформисты и карьеристы.

Какие же профессиональные идентичности могут послужить своеобразным пропуском на рынок профессионализма в современных условиях? По утверждению Г. Перкина [5], в настоящее время происходит очередная профессиональная революция. Первая была связана с переходом от свободных профессий к массовым, вторая – с переходом к парапрофессионалам, и то, что происходит сейчас, он называет транспрофессионализацией.

Свободные профессии представляли собой совместно-индивидуальную деятельность, когда каждый являлся единственным в своем роде специалистом в узкой сфере деятельности. Массовые профессии – это совместно-последовательная деятельность специалистов и рабочих, которая требовала массового производства специалистов в соответствии с утвержденными стандартами.

Окончательное оформление профессий произошло за счет превращения стандартов профессионализма в образ повседневной жизни и распространения стандартных и универсальных технологий. Этот процесс Перкин обозначает как парапрофессионализацию. Парапрофессионалы

выстраивают профессиональную идентичность вокруг двух ценностных ориентиров – унификации и стандартизации. Для них необходимы стандартизированные кодексы, квалификационные требования, регламенты, образцы поведения и т. д. Глобальные изменения, которые формируют ядро новой постиндустриальной экономики, связаны с появлением новой волны профессионалов-транспрофессионалов. Транспрофессионалы в отличие от парапрофессионалов ориентированы на разработку уникального продукта «здесь и сейчас» в соответствии с предложенными обстоятельствами и конъюнктурой, а значит существовавшая ранее система стандартизации знаний и навыков становится неэффективной, так как преимущество получают те, кто способен быстро подстраиваться под нужды растущих глобальных рынков, обучаться новому, мыслить нестандартно и жить своими проектами.

В рамках формирующегося рынка транспрофессионализма формирование образа профессии как цельного культурного явления представляется проблематичным, так как единый стандарт не дает возможностей для эффективного взаимодействия с окружающим миром. Для развития транспрофессионализма необходима установка на креативность, о которой говорит Р. Флорида в своей работе «Креативный класс: люди, которые меняют будущее» [6].

Новый креативный класс – это профессионалы без воротничка, основные ценности которых – автономность, толерантность, многомерность и разнообразие. Особенность креативного класса заключается в том, что люди, к нему принадлежащие, не осознают общности и принадлежности к какой-либо одной группе из-за того, что этот класс включает в себя представителей очень разных профессий (ученых, инженеров, художников, бизнесменов, работников здравоохранения, образования и сферы услуг). Их объединяет творческий характер работы, способность создавать значимое новое в процессе материального и духовного производства. Новые профессионалы требуют к себе нового отношения: не приемлют тотального и систематического контроля, а в качестве мотивации требуют постановки интересных и значимых задач. Это больше не просто наемные работники, а энтузиасты-добровольцы с новым креативным этосом, объединившим в себе элементы протестантской этики (ценность труда) с элементами этики богемной (труд как удовольствие).

К суперкреативному ядру нового класса относятся в первую очередь программирование, инженерия, архитектурное дело. И это не случайно, так как исторически сложилось, что инженерная культура – меритократична, в ней все измеряется личными достижениями и продуктами труда. Тот факт, что жизнь современного человека пронизана различного рода гаджетами и персональными компьютерами, создает новых героев времени – программистов, IT-специалистов, специалистов в области робототехники и т. д.

Способность к производству нового (креативность) является источником новых технологий, новых типов производств и многих других экономических благ. В результате постиндустриальное общество пронизывается креативным этосом и выстраивается вокруг провозглашения безоговорочной власти инноваций. Креативность невозможна без уверенности в себе и способности идти на риск, а конформизм для нового класса неприемлем в принципе. Творческая деятельность сама по себе часто носит откровенно подрывной характер, поскольку разбивает существующие стереотипы мышления и поведения. Именно этот подрывной характер инженерной профессии обычно подчеркивался в советском кинематографе (фильмы «Укрощение огня» о С. П. Королеве, «Искатели», «Инженер») и создавал привлекательный образ профессии. Инженер-изобретатель, конструктор в советском кинематографе – это герой, который создает новое ценой невероятных усилий и даже своей жизни. Образ же «российского» инженера оказывается лишен потребности в самореализации через труд и творчество.

Сегодня креативный класс нуждается в структурах и внешних условиях, которые благоприятствовали бы креативности, давали достойную оценку его деятельности, побуждали к творчеству, имели механизмы для мобилизации ресурсов вокруг идей и были равно восприимчивы к незначительным переменам и новым идеям большого масштаба. Это указывает на то, что инновационное производство невозможно поднять силами отдельных творцов и выдающихся личностей: для этого необходимо создание социальной и государственной структуры, главные ценности которой будут строиться на креативном этосе. Креативность достигает расцвета в стабильной социальной среде, обеспечивающей непрерывность творческой деятельности и стимулирующей творчество даже в провокационных формах.

Наибольшим потенциалом среди инженерных профессий в создании позитивной профессиональной идентичности на данный момент обладают профессии, связанные с созданием и развитием компьютерных технологий. Объясняется это не только востребованностью специалистов, но и тем, что эти профессии наиболее соответствуют существующим трудовым установкам.

П. Химанен в работе «Этика хакера и дух информационной эры» [7] утверждает, что на смену традиционной этике протестантизма приходит новая этика хакера. Именно новый тип человека, а не информация, становится краеугольным камнем новой этической системы. В данном случае хакер – это не просто квалифицированный ИТ-специалист, а эксперт или энтузиаст любого рода.

В европейской истории, по мнению указанного финского исследователя, трудовая деятельность в первую очередь рассматривается как повинность и долг человека. Сизиф становится героем времени, и метафора «вечная жизнь в пятницу» описывает существование человека индустриальной эпохи. Информационное общество и новый социальный класс – хакеры формируют новые ценности трудовой этики.

Согласно новым установкам, труд – это не послушание, а источник радости. Движущая сила – любопытство, а не экономическое вознаграждение. Так, в компании «Google» работники не имеют фиксированного графика и один рабочий день в неделю могут тратить на работу над собственными проектами и идеями. Именно из этих проектов впоследствии и вырастает большинство проектов компании.

Философия хакера строится на трех принципах: потребность думать о других, потребность играть, потребность изобретать. Работа – это новый тип наслаждения, а не традиционное «надзирать и называть». Хакер – это не профессия, а

особое отношение, страсть к действительности, когда воедино сливаются интерес, вдохновение и воодушевление. Это кардинально меняет экономику жизни: если раньше работала формула «время – деньги», то в информационном мире ее заменяет формулировка «время моей жизни», показатель израсходованной энергии/времени заменяется на показатель креативности и самореализации.

В своей диссертационной работе «Динамика сетей сотрудничества (на примере бесплатного программного обеспечения и проекта свободной и открытой энциклопедии „Википедия“)» Б. Грасино формулирует особенности новой организационной среды следующим образом: свобода от авторитета, прямое сотрудничество, отсутствие разрыва между замыслом и исполнением, т. е. минимизация отчуждения, отказ от иерархии, альтруизм [8]. Интернет и компьютерные технологии позволяют выстроить идеальное сообщество, где деятельность осуществляется без внешних стимулов и ограничений, а альтруизм и сотрудничество выступают основанием для существования системы.

Профессия инженера в современной России оказалась в ситуации «сапожника без сапог», когда существует разрыв между высоким престижем профессии, связанным с ролью профессионального сообщества в развитии современных технологий, и реальным положением в обществе. Создание символического образа профессии инженера в массовой культуре демонстрирует отсутствие четкого понимания сущности профессиональной деятельности инженера. Отсутствие каналов эффективной социальной мобильности и закрепление в культуре неутешительного архетипа инженера-неудачника и представителя обезличенной серой массы приводят к снижению престижа профессии де-факто и де-юре.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Домбинская М. Г. Идеалы и нормы инженерной деятельности. М.: Диалог-МГУ, 2000.
2. Кочетков В. В., Кочеткова Л. Н. Этнос креативности и статус инженера в постиндустриальном обществе: соц.-филос. анализ // *Вопр. философии*. 2013. № 7. С. 3–12.
3. Агапов И. России грозит перспектива остаться без грамотных инженеров // *Деловая газ.* 2012. 22 мая. URL: <http://marker.ru/news/525112>.
4. Тяжелникова В. С. Отношение к труду в советский и постсоветский период // *Социально-экономическая трансформация в России. Сер. Научные докл.* М.: Моск. обществ.-науч. фонд, 2001. С. 99–123.
5. Perkin G. The third revolution: Professional society in international perspective. L.: Routledge, 1996.
6. Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Классика-XXI, 2011.
7. Himanen P. L'Éthique hacker et l'esprit de l'ère de l'information. Paris: Exils, 2001.
8. Grassineau B. La dynamique des réseaux coopératifs. L'exemple des logiciels libres et du projet d'encyclopédie libre et ouverte Wikipédia. Thèse pour l'obtention du titre de Docteur en Sociologie. Paris: Université Paris Dauphine, 2009.

L. S. Moskovchuk
Saint-Petersburg state electrotechnical university «LETI»

FEATURES OF THE FORMATION OF PROFESSIONAL IDENTITY OF THE ENGINEER IN MODERN RUSSIAN CULTURE

This article reviews changings of profession status and attitude to job in modern society and culture, the professional identity formation mechanism, the problem of engineer`s professional identity. It is also analyzes the representation of the engineer`s professional image in modern culture.

The ethos of the profession, the representation of the profession in popular culture, the image of the profession, the social mission of the profession, the creative class, social and cultural image of the engineer

УДК 81'44

М. А. Флакман
Санкт-Петербургский государственный электротехнический
университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

Универсальные черты звукоизобразительной лексики: опыт типологического сравнения

Приводится обзор ряда отличительных особенностей звукоизобразительной лексики различных неродственных языков мира. Звукоизобразительная (звукоподражательная и звукоимитационная) лексика – это лексика со структурной, иконической связью между фонетическим обликом и денотатом. При подобном иконическом словосоздании стремление говорящего как можно более точно передать называемый звук приводит к тому, что звукоизобразительные слова в большей степени похожи на элементы внеязыковой действительности и в меньшей – на остальные слова языка, к которому они принадлежат.

Звукоизобразительность, идеофон, фоносемантика, звукоподражания, звукоимитации, знак-икон, лингвистическая типология

Согласно универсальной классификации знаков, предложенной одним из основателей семиотики Чарльзом Сандерсом Пирсом [1], звукоизобразительное слово представляет собой знак-икон.

Ч. Пирс (в зависимости от характера связи означаемого и означающего) выделил знаки трех классов: знаки-индексы, знаки-иконы и знаки-символы. Знак *икон* – это знак, в котором означаемое и означающее связаны между собой по подобию (например, картина и фотография). Знак *индекс* – это знак, означающее и означаемое которого связаны по смежности, по расположенности во времени или пространстве (например, дым – знак огня). Знак *символ* – знак, в котором означаемое и означающее связаны конвенциональной, условной связью (например, флаги государств). Эта классификация оказывается применимой

также к такой сложной семиотической системе, как язык.

Подавляющее большинство слов языка, как было постулировано в начале XX века Фердинандом де Соссюром [2], представляют собой знаки-символы, поскольку ничто в их фонетическом облике не говорит об их содержании – связь со значением у таких слов исключительно конвенциональна. Однако в любом языке существует относительно небольшая группа звукоизобразительных слов, обладающих преимущественно иконическими чертами. Их, вслед за С. В. Ворониным [3], принято подразделять на звукоподражания (слова, представляющие собой акустическую имитацию природных звучаний) и звукоимитации (слова, представляющие собой артикуляторную или акустико-артикуляторную имита-